События на Украине побуждают рассмотреть такие феномены, как нация и национализм.

Александр ЕЛИСЕЕВ ЧТО ТАКОЕ НАЦИЯ

Историко-философское исследование

НАЦИЯ КАК РОД

Прежде всего стоит обратить внимание на этимологию. Само слово "нация" произошло от латинского natio, которое переводится как "племя, народ". В этимологическом онлайн-словаре русского языка Г.А. Крылова утверждается, что данное слово произошло от причастия natus — "рождённый", которое производится от глагола "рожать". И весьма любопытно, что в латинском языке образование слова natio шло точно таким же путём, как в русском: происходило развитие слова "на-род", которое означает "нарождённый".

Тут стоит порассуждать в пространственно-временных категориях. Показательно, что в русском языке "время" и "род" предстают синонимами. В этимологических словарях русского языка читаем: "По летех и по роде мнозе взниче Моисии…", "Иногда убо бысть в прежнем роде во Иерусалимских странах…" И здесь можно вспомнить о том, что славяне некогда почитали бога Рода, которого считали творцом. Академик Борис Рыбаков считал, что Род — одно из имён единого бога, имеющего множество эманаций в лице других богов (Перуна, Велеса, Даждьбога и др.). И Род, судя по всему, был богом времени. Как очевидно, наши предки выводили родовую идею на высочайший, религиозно-философский, уровень, предполагающий единство поколений, когда как единство выступают прошлое, настоящее и будущее.

В то же самое время у наших славных предков преобладала не родовая, но именно территориальная община. Туда легко мог войти человек со стороны (например, пленный раб) — в том, конечно, случае, если он был готов стать истинным сыном общины. Это во многом объясняет отсутствие у русских расизма. В то же время на базе "германства" с его преобладанием родовой общины расизм расцвёл пышным цветом. Дело в том, что наши предки сумели осмыслить родовую идею самым глубочайшим образом. Биология была не главной, главным было — духовное измерение.

Это весьма точное определение, которое указывает на предельную разобщённость и атомизированность западных национальных сообществ. В центре всего находится именно индивидуум. Собственно говоря, совокупность таких вот индивидуумов и составляет политическую, гражданскую нацию. И она представляет собой некое абстрактное множество — "абстрактную нацию" (Пол Джеймс). По сути, речь идёт об обезличенном сообществе.

В противоположность этому на-род мира традиции является органической и почвенной общностью. "Сейчас же из-под заносов выбирается нечто забытое или вообще никогда не учитывавшееся — Народ, — пишет философ Александр Дугин. — Это и не просто сумма индивидуумов, и не классы, и не граждане с паспортом и пропиской. Это нечто живое, органическое, цельное, постоянно меняющееся, избегающее строгих определений… Народ ни левый, ни правый. Он одновременно и за порядок, и за свободу, и за державу, и за социальную справедливость, и за могущество, и за непрерывный праздник. Народ легко соединяет противоположности, даже не замечая их. Народ живёт по особой логике, которая не имеет ничего общего с нормативами современной политологии или социологии. Народ всегда не такой, как о нём думают. Он не даёт себя вычислить, подсчитать. Он исходит из иной логики, нежели логика Просвещения и обществ модерна. В каком-то смысле он очень древний, этот Народ. Он питается соками вечности".

Национально-народная община — коллектив родственных людей, занимающих определённую территорию, большое пространство. В традиционном обществе она состоит из разных общин, что делает её не собранием единиц (зависящих от организованных групп — предпринимательских, партийных, бюрократических), но совокупностью структурированных сообществ. При этом у каждой общины есть своя почва, своё "малое пространство" — "малая родина" или даже "малая нация". И в рамках данного сообщества возможна наиболее эффективная демократия, реальное самоуправление. Причём таковым пространством не обязательно являются территориальные округа, речь может идти о предприятии, тогда община принимает форму артели.

ОДИН МОДЕРН И ДВА НАЦИОНАЛИЗМА

Модерн породил две формы национализма. Одну из них можно охарактеризовать как политический, или гражданский, национализм. Здесь нация выступает как коллектив граждан, связанных юридическими и административными узами. Весьма показателен термин "государство-нация" (от франц. etat-nation), который блестяще раскрывает суть политического национализма. Поразительно, но эта сугубо этатистская модель была реализована в рамках либерального капитализма с его фетишизацией "свободы", "демократии" и т. д. Хотя родилась она на базе якобинства, которое вряд ли можно назвать либеральным. Такой вот интересный и парадоксальный генезис.

Политический национализм предполагает минимизацию или ликвидацию разных этносов, сословий, старинных корпораций и т. д. — в масштабе какой-либо территории. Качественные различия здесь уступают различиям количественным (в основном денежно-имущественным). И это вполне соответствует современному миру — "царству количества" (Рене Генон). По сути, национальные государства модерна являются некоей переходной формой к глобальному квазигосударству ("мировому правительству").

Однако постепенно складывалось и другое понимание нации, альтернативное политическому. Нация стала восприниматься и как народ, этнос (нем. volk — фольк). Во многом это уже был шаг к традиции. Характерно, что в русской общественно-политической традиции произошёл именно такой вот разворот.

"Если в период 1840-х–1870-х годов понятие "нация" использовалось в основном авторами западнической, либеральной ориентации (В.Г. Белинский, М.Н. Катков в его либеральный период), то с утверждением этого понятия как общепринятого в 1880-е годы оно вошло и в арсенал правых, которые боролись с либералами за утверждение собственной, часто авторитарной и расовой, трактовки нации, — замечает Илья Миллер. — В либеральной прессе это вскоре привело к появлению сентенций с осуждением национализма как гипертрофированного и искажённого патриотизма, как формы ксенофобии. Уже в 1880-е годы либералы во многом отдали понятие "нация" на откуп своим противникам справа, часть которых вскоре стала определять себя как националистов".

ЛОВУШКА ЭТНОКРАТИИ

Volk, в отличие от etat-nation, во многом альтернативен модерну. Но он одновременно является и его порождением. Поэтому "народный национализм" может идти (и часто идёт) по схожему пути. Он становится этнократией, которая подавляет другие народы (кроме "господствующего"), тем самым минимизируя само этническое многообразие, что только на руку транснационалу, стремящемуся ликвидировать многообразие наций и государств во имя предельно унифицированной глобалии.

Более того, несмотря на всю приверженность "национальным традициям", праворадикальный volk осуществляет и унификацию уже самого господствующего народа, следуя здесь за etat-nation. Так, при Гитлере были ликвидированы старинные германские земли, вместо которых создали типично "якобинские" однообразные территориальные единицы — гау. Характерно, что они изначально создавались как партийные (а партии — типичные порождения модерна) единицы, однако со временем всё больше становились административно-хозяйственными образованиями. Среди других унификационных мер можно также привести в пример роспуск традиционных студенческих корпораций, отличавшихся старинными традициями. Все они были включены в один всеобщий студенческий союз.

Также обращает на себя внимание укрупнение и так уже крупнейшего монополистического капитала, вполне присущее глобализирующемуся западному капитализму. В результате политики насильственного картелирования в 1933–1939 годах с хозяйственной арены исчезло около 700 ремесленных (традиционных) предприятий. Зато возросло влияние монополий. К 1939 году шесть крупных банков и 70 акционерных обществ контролировали 2/3 промышленного потенциала Германии.

Любопытное наблюдение в данном плане сделал Валентин Катасонов, сравнивший Третий рейх с современным гиперкапитализмом: "Вот и за риторикой Клауса Шваба о корпорациях стейкхолдеров скрываются интересы мировой элиты. Ей действительно прибыль не нужна. Они хотят стать хозяевами мира. "Дивный новый мир" — рабовладельческий строй, а в таком строе не только прибыль, но и деньги становятся анахронизмом… Предлагаемая Швабом схема также очень напоминает конструкцию экономики Третьего рейха, которая базировалась на гигантских корпорациях. Корпорации Третьего рейха действительно не ставили перед собой цель получения прибыли. Но они не служили и немецкому народу. Для них высшей целью были интересы Германии: Deutschland über alles. А если копать глубже, то за вывеской "Германия превыше всего" стояли интересы верхушки Третьего рейха. Интересы были действительно не экономические. Верхушка жаждала мировой власти".

Существуют и гибридные модели, причудливым образом сочетающие etat-nation и volk. Один из ярчайших примеров такой вот модели являет собой современная Украина. Там пытаются скопировать институциональный опыт западной демократии — в частности, много разговоров ведётся о политической нации. Но всё это сочетается с чётко выраженной этнократией, часто апеллирующей к правому радикализму, обычно отрицающему либеральные ценности и институты.

Подобный, на первый взгляд, абсурдный синтез являет собой некое онтологическое дно национализма модерна. И он свидетельствует о том, что "украинский режим" — проект не столько даже Запада, сколько его наиболее глобалистски устремлённых верхов. В высшей степени показательный момент: Одессу посетил один из ведущих идеологов глобализма Бернар-Анри Леви. Там он совершил весьма "милую" прогулку с нынешним главой Одесской областной государственной администрации Максимом Марченко. Последний является убеждённейшим праворадикальным украинским националистом, некогда возглавлявшим батальон "Айдар" (запрещён в РФ). И всё это лишний раз показывает, что сам украинский национализм является одним из самых продвинутых проектов радикального глобализма.

НАЦИЯ КАК ОБЩИНА

Американский социальный критик Вэнс Паккард охарактеризовал современную ему нацию как "нацию чужаков".

Община многомерна, она включает в себя самые разные уровни: духовный, политический, экономический, культурный, каждый из которых — равноценен. Такова община "малая", такова и "община общин" — нация, народ. Все эти уровни холистически интегрированы в одну органическую целостность, которая и впрямь не подлежит какому-то одному определению. Здесь апофатизм, напоминающий описание Божественного, — Абсолют есть "не это и не то", но он же есть "и то и это". Не случайно, как уже было сказано, единым богом славяно-русов был Род.

Существует замечательная русская поговорка: "Мир (община. — **Авт.**) — большой человек". В традиционном обществе его же общности персонифицируются. Органическое множество становится некоей личностью — так срабатывают некие глубинные архетипы. А все общины ("малые пространства") соединяются в одно "большое пространство", которым правит монарх. Именно в его личности все люди персонифицируются, что отличает их от "абстрактной нации" современного типа.

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛИЗМА

Существует точка зрения, согласно которой от национализма следует отказаться совсем — как от "неисправимого" конструкта эпохи модерна. Между тем, если обратиться к изначальному смыслу — к "на-родному" архетипу, то всё предстаёт в иной перспективе.

Вообще, надо иметь в виду, что модерн не создал ничего сущностно нового — он исказил сущности. В частности, социализм (коммунизм) был воспроизведением традиционной общинности, которая, как было показано выше, является основой жизни народа до модерна. Однако в эпоху модерна проявление социалистического архетипа оказалось искажено.

Также можно указать и на демократию, прекрасно известную миру традиции. Она, опять же, была основана на общинах. Собственно, сама демократия наиболее эффективна именно на "малых пространствах", где все друг друга знают. Очевидно, что такие конструкты модерна, как "нация", "социализм" и "демократия", вполне органично соединяются на общинной почве традиции. Хотя речь, скорее, надо вести о восстановлении того холистического единства, которое было разрушено модерном — с его инверсивностью.

В этой оптике национализм предстаёт как стремление народа к самобытности и многообразию. И здесь очень показателен пример Константина Леонтьева, резко критиковавшего "национальную политику как орудие всемирной революции". При этом Леонтьев разводил национализм политический/племенной и национализм "культурный". Последний виделся ему именно как воля к сохранению самобытных начал. "Не считать ли в этом вопросе важным для нации не само господствующее племя и даже не язык его, а совокупность всех тех культурных признаков, которыми отличается эта нация от других, — писал Леонтьев. — И таким образом, считая культурные (идеальные) отличия более существенными для национальной жизни, чем признаки физиологические и филологические, принимать за истинно национальную политику не столько ту, которая способствует распространению и преобладанию и внутри, и вне известного племени с его языком (или с родственными ему), сколько ту политику, которая благоприятствует сохранению и укреплению стародавних культурных особенностей данной нации и даже возникновению новых отличительных признаков (разумеется, естественно подходящих к среде, способных привиться к ней)".

Итак, национализм может быть "оправдан", но только в оптике традиционализма с его требованием самобытности. При этом самобытность имеет смысл трактовать не только в плане отличия одной страны от другой. Речь должна идти о неких институтах, которые созданы не конструкторами-инженерами модерна, но возникли как бы сами по себе. На самом же деле они были созданы по воле Бога. Одним из таких институтов являлась традиционная община — территориальная и производственная.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

В 1991 году был взят курс на копирование опыта "западной демократии". Какие-то элементы самобытности были ликвидированы после роспуска корпуса народных депутатов в 1993 году. Значительная часть элит вполне искренне хотела встроиться в систему Запада, заняв в ней некое достойное место.

И на первых порах казалось, что эти планы успешно реализуются. Многие элитарии вообще перебрались на Запад, потрясая тамошних обывателей баснословным размером своих богатств. Однако со временем ситуация стремительно изменилась. Прежде всего изменился сам Запад. Стали активно выдвигаться идеи "инклюзивного капитализма", "великого обнуления", "новой нормальности" и т. д. Сторонники встраивания и раньше не могли до конца понять и принять суть Запада. Сейчас, в разгар трансформации капитализма, они понимают и воспринимают её ещё меньше. При этом сам Запад настроен на вытеснение российских олигархов со своего пространства, о чём свидетельствуют санкции ("яхта Абрамовича").

В 2000-е годы Россия проводила курс на упрочение своего суверенитета, что было встречено Западом хоть и болезненно, но относительно терпимо. Однако чем более Запад глобализируется, тем более он настроен против ресуверенизации России. Это мощный импульс к разрыву с самим Западом. А этот разрыв просто предполагает отказ от западных цивилизационных установок. В принципе, российский суверенитет сам по себе требует самобытности. Нахождение же в западном цивилизационном (социокультурном) поле ведёт к существенному ослаблению суверенитета.

Поэтому России необходима некая институциональная самобытность. И здесь было бы вполне уместно возрождение русской общины — на новом технико-экономическом уровне. Самоуправляемые территориальные общины и общины артельные (народные предприятия и производственные кооперативы) могли бы стать базовой основой самобытной демократии. Депутаты народных представительств разного уровня в данной оптике должны быть теснейшим образом связаны со своей "малой нацией". Не исключено даже и требование иметь опыт проживания и работы в пределах конкретной территориальной общины. Также стоит рассмотреть возможность выдвижения в органы народного представительства (наряду с партиями) и разнообразных общественных организаций. И здесь открывается окно для самых разных самобытных возможностей.

Глобальная трансформация мирового капитализма требует от нас самобытной мобилизации. И, как ни покажется странным, указанные метаморфозы открывают для нашей страны совершенно новые, уникальные возможности.

Михаил ДЕЛЯГИН КТО ОШИБСЯ ПАСПОРТОМ?

Как провести мобилизацию в экономике

ПРИЗРАК МОБИЛИЗАЦИИ стоит перед российским обществом с первых дней специальной военной операции.

Военкоры и просто присутствовавшие рядом с фронтом в один голос говорят (а то и кричат криком): без неё не победить.

Обычные люди вспоминают, когда последний раз видели автомат, смотрят на неспособных (и не желающих) подтянуться "детей Фурсенко / жертв ЕГЭ", а некоторые с ужасом чувствуют себя предателями, не видя в мобилизации ни стратегического смысла, ни даже простой возможности.

А Запад энергично забивает соцсети страшилками на любой вкус, раздувая страхи и внутренние конфликты, — при официальных сводках, вынуждающих патриотических блогеров от беспомощности цитировать Генштаб ВСУ.

Проблема российского общества в том, что мы по старой интеллигентской привычке обсуждаем понятие, не удосужившись договориться о его смысле.

Никто не спорит, что мобилизация — условие выживания России, но какая именно мобилизация?

Ведь не заваливание же выдрессированного Западом спецназа ополченцами, а нормализация управления (в том числе боевыми действиями) и создание мощной экономики, быстро и гибко выпекающей, как блины, всё, что надо: от убийц "Хаймарсов" до убийц айфонов, от антибиотиков седьмого поколения до нанографеновых аккумуляторов, от солдатских трусов до коптеров.

Обсуждение всеобщей мобилизации просто отвлекает нас от реально необходимой мобилизации — управленческой и технологической, которая быстро превратит Россию в привлекательный для всех символ прогресса и, помимо укрепления нашей экономической мощи, доходов и справедливости, станет "мягкой силой", ведь с идеалами не только не воюют — им не сопротивляются.

Поразительно, но наши ресурсы даже сейчас, после семимесячного "жевания соплей" (если пользоваться терминами Верховного главнокомандующего), позволяют преобразить страну в считанные месяцы — уже до Нового года.

Прежде всего нужна честность: признание, что лояльность бывает лишь одна (и потому двойное гражданство невозможно), а коррупция во власти — измена Родине (и потому должна караться пожизненным заключением, и лишь при фантастических смягчающих обстоятельствах и раскаянии — 20 годами лишения свободы). Честность подразумевает и запрет вывода капитала из России (так как деньги работают либо на нас, либо против нас), и ограничение обналичивания (то есть перевода денег из легальной сферы в тень) среднемесячной зарплатой на одного человека в день.

Необходима полная деофшоризация экономики, так как зарегистрированные в офшорах активы — по оценкам, более 60% крупного частного бизнеса России, — находятся под потенциальным контролем наших врагов и в любой момент могут перейти в режим разрушения нашей страны или просто саморазрушения.

Для деофшоризации следует передать все зарегистрированные в офшорах активы под государственное управление, а если они не будут перерегистрированы в России в течение полугода, — конфисковать их как бесхозное имущество.

Честность подразумевает и прогрессивную шкалу налогообложения имущества, наследства и доходов (до двух реальных прожиточных минимумов ставка НДФЛ должна быть нулевой, после эквивалента 250 тыс долл. в год — 27%, между ними — нынешние 13%). Необходимо по примеру Швейцарии создать механизм налога на вменённый доход, рассчитываемый исходя из того, что расходы на содержание имущества не могут превышать четверти годового дохода.

ДЛЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО прогресса надо прежде всего, по давней мечте Павла Дурова, отменить интеллектуальную собственность стран-грабителей и стран-агрессоров.

Для промышленного развития — кардинально уменьшить издержки, если надо — национализацией, ведь базовые отрасли должны работать не на яхты олигархов, а на снижение масштаба цен в экономике, прежде всего для перерабатывающей промышленности. Ведь предприятие, работающее "на коммуналку", на оплату кредитов или на сверхдоходы олигархов, так же мало способно к развитию, как обычный человек, тянущий лямку "на ипотеку".

России необходима не налоговая реформа, а управленческая революция, ибо вся налоговая система ориентирована на всемерное поощрение финансовых спекуляций и подавление реального сектора — и её необходимо в кратчайшие сроки развернуть на 180 градусов.

Ставка по-прежнему самого криминогенного (как бы ни гордились цифровизаторы своими действительно бесспорными успехами) налога — НДС — должна быть снижена до уровня криминальных затрат по уходу от него — до 10%. Помимо прочего, это переориентирует энергию "теневых капиталов" на легальную деятельность и само по себе станет важным фактором подъёма деловой активности.

Производственные инвестиции должны быть полностью освобождены от налога на прибыль, а малый и средний производительный бизнес — от всех налогов на пять лет (на Севере, в Забайкалье и на Дальнем Востоке — на 20 лет).

Наполнять бюджет следует прежде всего акцизами (повышенными до 27%) и пошлинами на экспорт сырья, а не системным подавлением промышленности ("налоговый манёвр" 2018 года сделал убыточными все НПЗ, и в прошлом году одичалая бюрократия распространила его на чёрную металлургию с формулировкой: "Мы же не можем ослушаться предпринимателей!").

Не может длительное время существовать экономика, в которой, как в первой половине 2022 года в России, благодаря всемерному стимулированию экспорта сырья и олигархического бизнеса в целом рентабельность (по официальным данным Росстата!) добычи угля составляет 73,8%, металлических руд — 85,4%, прочих ископаемых — 49,9%, финансовой и страховой деятельности — 39,5%, операций с недвижимостью — 31,3%, в то время как рентабельность производства машин, оборудования и компьютеров — 10%, образования — 4%, а занятия наукой и вовсе убыточны (рентабельность составляет минус 3,1%).

Необходим разумный протекционизм, о котором уже вопиет вся страна. Государство должно пошлинами защищать промышленность от чрезмерной внешней конкуренции, ограждая её развитие без оголения внутреннего рынка, стимулировать импорт сырья и экспорт готовой продукции.

Нельзя забывать железное правило экономики: в страну идут либо товары, либо инвестиции и технологии.

Лишь скорейшая и беспощадная мобилизация экономики спасёт Россию от действительно большой крови, неизбежной при всеобщей мобилизации людей, не умеющих и часто не готовых воевать.

Кто тянет: "подождать", и мычит: "нам надо обеспечить бизнес как обычно", — наглядно демонстрирует, что готов оплачивать свои прибыли вашей кровью.

А кто насильно держит Россию в давно умершем и игнорируемом даже самим Западом ВТО, сдувая пылинки с активов стран, укравших у нас 300 млрд долл. и убивающих нас, — в самом лучшем случае просто ошибся паспортом.

Вардан БАГДАСАРЯН МОБИЛИЗАЦИЯ ИЛИ СМЕРТЬ!

России пора сосредоточиться

Обстановка стремительно изменилась, и прежние установки самовыражения сегодня сменил императив выживания. Экзистенция вопроса жизни и смерти вернулась, и все богемные извращения оказались неуместны. Донбасс сформировал новый тип молодёжи — иной, чем постмодернистское столичное студенчество. И эти ребята, прошедшие войну, вольются рано или поздно в гражданскую жизнь. И тогда молодёжи столичных тусовок не поздоровится.

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ проявили себя в 2022 году в полной мере, будучи представлены картинкой бегущих из страны трусов, спасающих свою жизнь. Обнаружились смысловые закладки в российских учебниках истории, внедряющие установки толерантности и представления об универсальности мирового развития. А вот украинские идеологические учебники продемонстрировали возможности идеологии при необходимости мотивации на борьбу, пусть даже за неправедные ценности. Так в своё время были зомбированы нацистской пропагандой немцы, проявившие, надо признать, высокий уровень героизма в борьбе за ложные идеалы арийского мифа. Победить нацистов тогда оказалось под силу только советскому народу, идеологическая заряженность которого оказалась выше. Народы же, не имевшие чётко артикулированной идеологии, как, например, французы, избрали путь пораженчества. Без идеологии победы не одерживают. Воин, идущий в бой, должен знать и понимать, какие ценности защищает. Рисковать жизнью можно только ради идеалов, которые нематериальны.

Мобилизационные меры обнаружили широкий перечень проблем системного характера. Советская система в своём генезисе формировалась как система чрезвычайная. Каждая институция работала в логике "если завтра война". Модель, сложившаяся с начала 1990-х годов по лекалам капиталистического общества, не предусматривала в принципе форс-мажоров. И когда форс-мажорные обстоятельства наступили, она показала низкую функциональность.

ЧАСТИЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ… Многие годы в патриотическом лагере говорилось о том, что Россия может выстоять в глобальной борьбе только посредством формирования новой мобилизационной модели. В этой перспективе мобилизация не может быть частичной. Частичность означает мобилизуемость определённого сегмента, притом что другие сегменты системы остаются вне решения задач мобилизации. Но это противоречит логике функционирования систем. Частичная мобилизация в демобилизованном обществе практически неосуществима. И если избран мобилизационный путь, то он должен касаться системы в целом, всех институций.

Мобилизация военная должна быть сопряжена с другими мобилизациями.

Это мобилизация экономическая: использование совокупности материальных ресурсов страны в военных целях, свёртывание рынка, распространение на гражданскую сферу оборонного заказа, национализация стратегически значимых в условиях войны предприятий и отраслей.

Мобилизация финансовая: перераспределение финансовых средств под военные задачи, установление государственного контроля над деятельностью частных банков.

Мобилизация социальная: внедрение чрезвычайных механизмов в систему организации труда, изменение режима рабочего времени, замена мобилизованных, введение инструментов трудовой повинности.

Мобилизация культурная: создание культурной продукции, мотивирующей на борьбу с врагом, установление ограничений в отношении развлекательного контента (культуры шоу) и демотиваторов.

Мобилизация образовательная: обучение и воспитание кадров под задачи военного времени, установление запрета на распространение в образовательной среде концептов и подходов, противоречащих повестке победы над противником.

Мобилизация научная: перенаправление научно-исследовательской работы на военные задачи (создание новых видов военной техники, новых лекарственных препаратов для раненых, нового мотивационного идеологического продукта).

Мобилизация политическая: блокирование потенциальных угроз со стороны пятой колонны, политическая чистка элиты.

Мобилизация информационная: введение механизмов цензурирования, перекрытие каналов вражеской пропаганды, информационное сопровождение решения военных и мобилизационных задач, создание централизованной системы информирования по типу Совинформбюро.

Мобилизация управленческая: устранение бюрократических препон, принятие рецептуры "Всё для фронта, всё для победы", создание единой управленческой вертикали по типу Государственного комитета обороны периода Великой Отечественной войны.

Только так на системном уровне может быть достигнут успех.

России не впервые в своей истории решает задачи системной мобилизации. Иван Грозный, Пётр I, Сталин — все они являлись создателями мобилизационных систем. Их опыт показывал, что только так, через системную мобилизацию, Россия может дать ответ на вызовы внешнего давления. И не только их опыт: так, в режиме мобилизационных рывков, функционировало русское общинное крестьянское хозяйство, что было единственно возможным в специфических условиях сурового климата. Можно сказать, что фактически на всём протяжении российской истории имело место воспроизводство мобилизационной модели. Отступление от неё приводило к системной эрозии, преодолеваемой новой мобилизацией. Частичная мобилизация либо провалится, что может иметь для России самые катастрофические последствия, либо вызовет объективные процессы перехода к мобилизационной системе.

Период эрозии завершён, и дальше — либо мобилизация, либо распад. Третьего не дано.

Иллюстрация: кадр из фильма Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» (1938 г.)

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru